

УДК 316.347

Барбашин Максим Юрьевич

кандидат социологических наук, заведующий сектором этносоциологии Южнороссийского филиала Учреждения Российской Академии Наук ИС РАН (ЮРФИС РАН)
тел.: (863) 264-34-66

Barbashin Maxim Yurievich

PhD in Sociology, Head of the Ethnic Sociology Sector, South Russian Affiliated Branch of the Institute of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences
tel.: (863) 264-34-66

ЭТНОИНТЕГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье анализируются институциональные особенности социальных процессов этноинтеграции в современном мире. По мнению автора, современный этногенез происходит в институциональном пространстве взаимодействия процессов этнической дифференциации и интеграции. Этноинтеграция подразумевает, что этногруппы и их элиты берут на себя определенные обязательства по отношению друг к другу.

Ключевые слова: этноинтеграция, этническая дифференциация, этничность, институты, культура

ETHNIC INTEGRATION IN THE MODERN WORLD: INSTITUTIONAL FEATURES

In the article the institutional features of social processes of ethnic integration in the modern world are analyzed. In the author's opinion contemporary ethnogenesis is formed in the institutional space of interaction between ethnic differentiation and integration. Ethnic integration implies the fact that ethnic groups and their elites take certain obligations to each other.

Key words: ethnic integration, ethnic differentiation, ethnicity, institutions, culture.

Процессы постоянной этнизации и реэтнизации в странах с относительно высокой долей традиционных этногрупп (Канада, США, государства Латинской Америки, Новая Зеландия, Австралия и др.) более четверти века вызывают политические дебаты.

И сторонники, и противники эпохи «беспокойной идентичности» соглашаются с тем, что современная этничность отличается от предшествующих эпох. Идентичности создают то, что Л. Витгенштейн назвал «образами жизни» [1, с. 136], а Н. Хартсок – «точками зрения» [2]. Они воплощают в себе эмоциональные, этические, эстетические и чувственные переживания и перцепции, уникальные в когнитивном отношении для каждой этногруппы, которые трансформируются в ценности, институты и традиции и интегрируются в самоидентификационные представления. Побуждающими мотивами служат целесообразность и стремление обрести групповую поддержку. Именно ощущение этнородства помогает избегать чувств анонимности и дезориентации, порожденных глобальным обществом.

Хотя в современном мире меньше двадцати этнически однородных государств, «изучение этнической гетерогенности и ее последствий превратилось в индустрию роста» [3]. Рост этногетерогенности, наблюдаемый во многих сообществах, амбивалентность и неустойчивость ценностных основ этноидентичности и увеличение количества альтернативных идентификационных проектов заставляют исследователей отказаться от детерминистского и позитивистского отношения к восприятию индивидами этноидентичности.

Индивиды все чаще выбирают сегментированную и постоянно размывающуюся лояльность, которая раскалывает социум и разрушает привычные связи между этничностью, обществом и государством. Рост структурных противоречий между этнодифференциацией и этноинтеграцией, между этногетерогенностью и этногомогенностью превращает этносообщества в распадающиеся квазинациональные конгломераты, которые не являются территориально, политически и символически привилегированными структурами.

По мнению З. Баумана, формирование этносоциумов происходит в условиях перехода от традиционных норм к инновационным институтам, в рамках которых предполагается, что люди должны отказаться от коллективных обязательств и согласиться жить в индивидуалистическом социуме. В результате «лихорадочный поиск идентичности представляет собой побочный эффект и неожиданный продукт, порожденный сочетанием импульсов к глобализации и к индивидуализации, равно как и проблемами, вызываемыми к жизни этим сочетанием» [4, с. 9].

Этноинтеграция является фактором, который во многом определяет социально-культурную и социально-политическую динамику развития этносоциумов. Она основывается на стремлении этнообщности соотнести себя с другой группой, считающейся близкой по этнокультурным признакам. Она невозможна без ретрансляции в общественном сознании схожих идентификационных мифологем, нормативных образцов и пожеланий. «Интеграция – это не просто процедура, используемая для пря-

мой социальной выгоды, она также содержит экспрессивное эмоциональное значение. В нее вовлечено множество внешних бихевиоральных и интрапсихических действий, которые приводят к различным видам внутренних напряжений, связанных с альтернативами в референтных группах, в степени и паттерне частичной инкорпорации чуждых элементов в представления о себе» [5, р. 34].

Этноинтеграция зависит от социальной дистанции: степени конгруэнтности культур этногрупп, их сплоченности, характера отношений между собой, их намерений по отношению к длительности пребывания в ареале интеграционного пространства, доминирования ассимиляции и аккультурации в групповых паттернах и др. [6, р. 136].

Этноинтеграция зависит от уровня образования, степени владения титульным и/или нативным языком в этногруппах, наличия или отсутствия межэтнических конфликтов и пр. Чем больше социальная дистанция между этносами, тем большие трудности будет испытывать индивид в процессе этноинтеграции. Чем меньше социальная дистанция, тем больше возможностей для этноинтеграционного смещения институтов.

Этногруппы передают друг другу знания, навыки и социальный опыт, в том числе идентификационного характера, встроенного в институты посредством трансмиссии, институциональных утечек или фрейминга [7, р. 611-639]. Это создание рамочных институциональных конструкций в ходе переговоров между этносоциальными субъектами. Если они договариваются по поводу общих правил поведения для этногрупп, этноинтеграция облегчается. Длительное апробирование общих традиций и норм поведения, их практическая проверка, естественная утряска и обкатка увеличивают потенциальную этноинтегрированность.

Этноинтеграционную трансмиссию институтов проще осуществлять социальным аутсайдерам. Нобелевский лауреат Дж. Акерлоф подчеркнул, что первые инноваторы часто являются маргиналами «с необычным вкусом», поскольку они «проявляют столь сильный неконформизм к нормам, что рассматриваются как весьма девиантные» [8, с. 91-104].

Этноинтеграция чаще происходит между этногруппами с сильными межэтническими брачными или фратермальными связывающими узлами. «Сильные связи позволяют создать мощное давление конформности» [9, р. 492], поскольку сети ограничивают индивидуальное поведение. Но этноинтеграция не получится, если сетевое сцепление слишком плотное, если сильна первичная лояльность и внутригрупповая принадлежность. Иногда причиной этноинтеграции могут быть слабые межэтнические связи, которые сохраняют потенциал социальной гибкости, коммуникационной и идентификационной изменчивости.

В процессах этноинтеграции нормативные образцы «идеальной этничности» у этногрупп взаимно усваиваются. Но доминирующая группа влияет на институты других этногрупп сильнее, чем испытывает ответное воздействие. В структурированной системе общих договоренностей она предлагает институциональный стандарт по поводу того, что запрещено и что разрешено. Возможности влиять на этот стандарт у других интегрирующихся этногрупп (например, присоединившихся к ФРГ восточных немцев) ограничены.

Этноинтеграция, развивающая кооперацию и доверие между этносами, невозможна без институциональных компромиссов, которые А. Гулднер назвал «паттернами снисхождения» [10]. Без уступок и толерантных обязательств между этногруппами с различной историей и культурой невозможно конструирование общего институционального пространства.

При распаде советской системы потребности в горизонтальной интеграции этногрупп стали очевидными. В России проекты этноинтеграции по созданию нации «россиян» активно продвигались либеральными учеными [11] и политиками в 1990-е гг. Некоторые социологи пропагандировали использование терминов «этнические россияне» или «этнороссияне» [12]. Отдельные исследователи указывают на формирование новой этнообщности «глобальных русских», которые обладают внетерриториальным сознанием и слабой идентификационной привязкой к территории [13].

В XXI в. русские националисты [14, с. 112-123] стали возрождать этнокатегорию «великороссов», чтобы расширить идентификационный смысл «русскости» и интегрировать русских, украинцев (как малороссов конца XIX – начала XX в.) и белорусов в единую нацию. С начала XXI в. в южнороссийском пространстве формируются новые межэтнокультурные общности «российских южан» и «южнороссиян» [15, с. 102-105].

Попытки создать единое «северокавказское сообщество» на основе «способности кавказских народов осознавать свое социокультурное единство, свою принадлежность к общему и целому кавказскому миру» [16, с. 80], а также сконструировать «адыгский суперэтнос» [17] посредством «стирания» этнокультурных и некоторых языковых различий у близкородственных народов провалились.

Хотя исследователи утверждают, что институциональной особенностью дагестанских ми-

грантов является их организация не по национальному признаку, а как однородного народа – дагестанцев [18], этноинтеграционный проект формирования из многочисленных коренных групп даргинцев, лезгин, лакцев, табасаранцев, агульцев, цахур и др. региональной идентичности «дагестанцев» закончился неудачей.

Как указывает Р.А. Ханаху, причины во многом в том, что «тезис о “неизбежном слиянии” наций сегодня крайне непопулярен, антитезис – о неизбежности их неслияния – обосновывается путем апелляции к историческому опыту человечества (хотя и он противоречив), а также путем выдвижения цивилизационной парадигмы» [19, с. 151].

Этноинтеграционные проекты часто являются конфликтогенными. Можно упомянуть формирующуюся на Юге России в последние годы новую этноконфессиональную идентичность «северокавказского джамаата» как институциональную основу этнорелигиозного фундаментализма и политических действий групп радикальной молодежи, которые особенно активны в ситуациях повышенной анонимности городов. Джамааты представляют собой несколько территориально-религиозных общин, структурированных как локальные боевые группы, ведущие подпольную политическую деятельность и исламистскую пропаганду, а также террористическую деятельность по отношению к правоохранительным органам, представителям федеральных и региональных властей и тем представителям гражданского общества и бизнес-структур, которых они рассматривают как нарушающих законы шариата (например, розничным торговцам алкоголя) или сотрудничающих с правящими структурами, воспринимаемыми как «оккупационные власти». К основным среди северокавказских девиантных этнотерриториальных идентификаций следует отнести джамааты «Шариат», «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия), объединенный вилайят Кабардинии, Балкарии и Карачая, «Кавказский эмират» [20] и пр.

Конфликты во время этноинтеграции – «это не столько борьба за обладание ресурсами, сколько за то, чей голос будет считаться выражающим интересы государства, или, иначе говоря, чей голос будет соответствовать голосу государства. Конкуренция между группами – это конкуренция по поводу установления правил игры в деле национального строительства. Неуспешными становятся те группы, которые не вносят сколько-нибудь значительного вклада в строительство нации. Речь идет о том, что доминирующие группы устанавливают определенный порядок вещей, а подчиненные группы соревнуются между собой за признание тому, кто этому порядку больше соответствует. Как следствие этого, “этническая” есть ярлык для тех групп, которым не удается достичь определенного уровня развития, установленного доминирующей группой, и которым отказано в том, чтобы иметь место в национальных устремлениях правящей элиты, отрицающей собственную этничность» [21, р. 426].

В начале 1980-х гг. в Лаосе конструировалась лаосская нация путем этноинтеграционного объединения титульного лао и других этногрупп. Это сохранило власть титульного этноса, но привело к межэтническим конфликтам. На основе этноинтеграционного проекта кхмерской нации осуществлялся геноцид других этногрупп в Камбодже.

Этноинституциональные конфликты связаны с несогласием одной или нескольких взаимодействующих сторон с правилами игры, с критериями, по которым оценивается их идентичность. П. Гуревич указывает, что хуту и тутси в течение пяти веков говорили на одном языке, придерживались схожей религии, проживали на общей территории, между ними были смешанные браки, общая социальная и политическая культура [22]. Но в колониальный период этнические границы стали непроницаемыми, это привело к формированию того, что К. Джовитт [23] назвал «баррикадными идентичностями».

Процессы этноинтеграции в полиэтничном государстве требуют соответствующих этнолидеров, старейшин, антрепренеров. Особым социальным статусом обладают индивиды, которые оценивают обоснованность этноинститутов, спорят об их применении, развивают или отклоняют общие нормы этноповедения.

В постсоветских странах этноинтеграционное слияние происходит путем поглощения культуры, языка и институтов зависимого этноса доминирующим. В Молдавии румынизация молдавского этноса в контексте реализации политических интеграционных проектов создания «Великой Румынии» осуществляется посредством выдачи румынскими консульствами паспортов, выделении грантов на изучение в вузах и школах «истории румын», поддержки медиахолдингов, выделении стипендий для молдавской молодежи для учебы в Румынии, грантов для творческой интеллигенции и пр. Экономическое стимулирование общего институционального пространства развивает «мягкую» этноинтеграцию.

Жесткие стратегии выбирают экономически слабые постсоветские страны. Например, украинский этноинтеграционный проект подразумевает эмоциональный негативизм по отношению к советскому прошлому и «оскорбительной» окраинной и малороссийской идентификации украинцев, которая

господствовала в общественном дискурсе конца XIX – начала XX в. Украинская идентичность легитимизируется в сознании национальной интеллигенции как этнолингвистическая идентификация. Украинец воспринимается как человек, говорящий преимущественно по-украински и гипертрофированно использующий украинский язык даже в билингвистическом общении с русскоязычными согражданами и в ситуациях, когда с конвенциональной точки зрения проще и/или удобнее применять русский.

Увеличивая гомогенность социума и внутрigrупповое сцепление, этноинтеграция подразумевает, что этногруппы и их элиты берут на себя определенные обязательства по отношению друг к другу. Она работает, когда ее сторонников больше интеграционных противников. Как процесс этноинтеграция поддерживается теми, кто получает выгоды и сдерживается проигрывающими от нее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Burgenштейн Л.* Заметки по философии психологии. М. 2001.
2. *Hartsock N.* The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // Harding S., Hintikka M.B. eds. *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science.* Boston, 1983.
3. *Connor W.* Ethno-nationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994.
4. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
5. *Romanucci-Ross L., De Vos G.* Ethnic Identity: Creation, Conflict and Accommodation Third Edition. London, 1995.
6. *Shumann J.* Social Distance as a Factor in Second Language Acquisition // *Language Learning.* 1976. № 26.
7. *Benford R.D., Snow D.A.* Framing processes and social movements: an overview and assessment // *Annual Review of Sociology.* 2000. № 26.
8. *Акерлоф Дж.* Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // *THESIS.* 1994. № 5.
9. *Strang D., Meyer J.W.* Institutional conditions for diffusion // *Theory and Society.* 1993. № 22.
10. *Gouldner A.W.* Wild Cat Strike. IL, Glencoe, 1953.
11. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
12. *Волков В.* Защита прав этнических россиян в ближнем зарубежье // *Этнополис.* 1993. № 3.
13. *Истомина Е.* Global Russians // Приложение к газете Коммерсантъ. № 213/П (4030). 2008. 24 нояб.
14. *Троицкий Е.* Российское общество, природа и космос в свете русской соборности. М., 2010.
15. *Викторин В.М.* Региональная общность «южнороссияне»: миграционный взаимообмен и потенциал бесконфликтного существования (Астраханская область) // *Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: сб. тезисов выступлений Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д; Горячий Ключ, 2006. Ч. 2.*
16. *Шадже А.Ю.* Этнические ценности как философская проблема. М., 2005.
17. *Полякова Т.М., Хаджибиеков Р.Г.* Этнополитическая ситуация в Адыгее // *Этнополитический ракурс.* 1995. № 2.
18. *Нурбагаанов А.* Межэтнические отношения в Дагестане // *Народы Дагестана.* 1993. № 2.
19. *Ханаху Р.А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. Майкоп, 1997.
20. *Hahn G.M.* Getting the Caucasus Emirate Right. Washington, DC: a Report of the CSIS Russia and Eurasia Program, 2011.
21. *Williams B.F.* A Class Act: Anthropology and the Race across Ethnic Terrain // *Annual Review of Anthropology.* 1989. Vol. 18(3).
22. *Gourevitch P.* We wish to inform you that tomorrow we will be killed with our families: Stories from Rwanda. New York, 1998.
23. *Jowitt K.* Ethnicity: Nice, nasty, and nihilistic // Chirot D. and M. E. P. Seligman, eds. *Ethnopolitical Warfare: causes, consequences, and possible solutions.* Washington, DC: American Psychological Association, 2001.